

Luiza Oleander

Łuck

**Мышление военное и гуманистичное в произведениях
Млечны Шлях Кузьми Чорного, *Pierwszy dzień wolności*
Леона Кручковского и *Люди мы или нелюди*
Владимира Тендрякова**

Мы привыкли относиться к мысли как к инструменту или средству достижения цели. Тогда как на самом деле таким инструментом [...] является наш язык и способ мышления, а целью становится в этом случае удержание мысли с помощью уже существующего инструмента.

С этого, согласно М.К. Мамардашвили, начинается эстетика мышления, определяющая в конечном счете и область человеческой морали.

Ю. Сенокосов

Философ М. Мамардашвили – это видно уже по приведенным в эпиграфе словам – считал способ мышления и эстетику мышления ключевым моментом в жизнедеятельности человека. Отсюда осознание непростого взаимодействия „мышления военного с гуманистическим” представляется чрезвычайно важным для понимания результатов, получаемых как следствие того, что в конкретной исторической ситуации является способом достижения цели. Более того, сама цель – „удержание мысли” (какой? анти- или гуманистической?) – определяется и характеризуется способом мышления, что в свою очередь, не случайно стало центральной темой для целого отряда писателей, озабоченных судьбами мира и человека.

Корни проблемы „мышление военное и гуманистическое” уходят вглубь XIX – начала XX столетий, когда возмущенное сознание человека решительно восстало против войны – этого „узаконенного” убийства (М. Ганди, Л. Толстой, А. Франс и др.). Но с особой остротой этот вопрос

вновь возник в середине XX века, когда мир потрясли катаклизмы планетарного масштаба, катастрофы, приведшие к неисчислимым жертвам, когда были совершены величайшие преступления против человечества; кажется, человеческая жизнь перестала быть ценностью, а заповедь „Не убий!“ окончательно предана забвению. В этих условиях писатели не только подняли свой протестующий голос против попрания гуманизма, но и поставили проблему „столкновения“ находящегося, как отметил Д. Гусаров, за чертой милосердия¹ мышления военного с мышлением гуманистическим в философском аспекте, заставляя задуматься над вопросами: Кто мы? Что с нами происходит? Почему в человеке пробуждается зверь?

Цель доклада состоит в том, чтобы, проследив в литературе первой половины 40-х и 70-х гг. XX ст. через поэтику, постановку и художественное решение конфликта, возникшего между мышлением военным и гуманистическим, определить характер развития художественно-философской мысли, направленной на защиту общечеловеческих ценностей.

Среди произведений, посвященных этой многоаспектной проблеме (*Zeit zu leben und Zeit zu sterben* Э.-М. Ремарка, *Der Grosse Krieg weissert Männer* А. Цвейга, *Немой* А. Адамовича, *Пастух и пастушка*, *Прокляты и убиты* В. Астафьева и др.) – как константы темы – целесообразно выделить созданные белорусским, польским и русским писателями в разное время и независимо друг от друга (важно, что контактно-генетические связи тут исключены) произведения – роман К. Чорного *Млечны Шлях (Млечный путь)* (1944), пьесу Л. Кручковского *Pierwszy dzień wolności* (1946), повесть В. Тендрякова *Люди мы или не люди* (1975–1976).

Выбор не является случайным уже потому, что К. Чорный, Л. Кручковский, В. Тендряков в основу своих сюжетов положили схожую ситуацию: в не боевой, но и не в мирной обстановке лицом к лицу встречаются люди из враждебных, воюющих сторон. Типология построения сюжета выражается в его движении, осуществляющегося в три этапа и в таком направлении:

1. этап – противостояние *чужой* ↔ *свой* теряет свою остроту;
2. этап – складывается атмосфера притяжения одних другими (причины единения различны);
3. этап – распад шаткого единства на *свой* ↔ *чужой*.

¹ Д. Гусаров, *За чертой милосердия*, „Роман-газета“ 1980, № 13.

Развязка трагична: кончается убийством „чужого”. Деление происходит во всех трех произведениях по границе морально-идеологических принципов жизни: мышление войной встает в конфронтацию с мышлением гуманистическим и начинает управлять выбором человека и – как следствие – его поступком.

К. Чорный в романе *Млечны Шлях* поставил вечную философскую проблему борьбы Жизни со Смертью в условиях столкновения Добра и Зла, двух типов мышления – военного и гуманистического – в таком ракурсе, в каком они в первой половине 40-х гг. никем еще поставлены не были. И не случайно в поэтике романа Жизнь, взятая в онтологическом аспекте, изображена абстрактно, даже олицетворенно, как действующее лицо: „жищцё стулілася ў лясы і ціхія закуткі, далей ад язджалых дарог”; образ же Смерти исторически конкретизирован: она ворвалась в белорусскую действительность в двух ипостасях – в виде фашистского нашествия: „спачатку тут прайшлі былі нямецкія танкі, а пасля не раз праходзілі нямецкія карнікі”, – и голода.

Роман начинается с лирико-эпической картины, на которой изображена руина. Родной край растоптан фашистским сапогом: „спустошанне цяглося кіламетраў можа на трыццять”, земля была покрыта пеплом, что стало выражением трагедии Жизни и господством Смерти. „Тут льга было прайсці вялікую прастору і не напаткаць чалавека і яго аселішча. Вельмі многа тут чарнелася печышчаў. Многа лётала варання, і брахалі валачашчыя сабакі. Часамі было падобна, што пройдзе струмень трупнага духу. Вельмі магло быць, што дзе-небудзь гніў хто непахаваны”². В цветовой гамме пейзажа доминируют серые и черные тона: трава *почарнелае, счарнелае* лісце, многа ...*чарнелася* печышчаў і т.д. На этом фоне яркие краски *рыжая (рыжы бык)* и *зеленая (травы зяленіва)* служили контрастом *чорному* и *серому*, подчеркивая безжизненность пространства. *Пепел*, являющийся ключевым образом в изобразительно-выразительной системе романа, создает общий – *серый* – колорит.

Пепел (*сухі попел*) – это одновременно и деталь военного пейзажа, и образ/символ, сконцентрированное выражение народного страдания. Символическое значение лексемы Пепел своими корнями уходит в далекие библейские времена, о чем свидетельствуют книги Эстера [Эст. 4.1], Пророков Йоны [Йон. 3.6] и Михея [Мих. 1.10]. Фраза: *вейцер круціў*

² К. Чорны, *Млечны Шлях*, [в:] *Збор. твораў: У 8 т.*, Мастацкая літаратура, Мінск 1974, т. 6, с. 169.

i ўзнімаў сухі попел – ассоциативно (благодаря опоре на контекст произведения) вызывает в воображении образ глаз, в которых выплаканы все слезы, а в памяти фразеологизм *посыпать пеплом голову*, т.е. „предаться крайней скорби, печали по случаю какой-либо утраты, бедствия (первоначально: древнееврейский обряд, символизирующий общий траур)”³.

Раскрывая трагедию войны через поэтический образ Пепла и его интенциональное поле, образуемое многочисленными контекстуальными синонимами с радиусом *ад вялікага пажарішча* до кучи *асмалкаў* (головёшек), К. Чорный начинает рассказ с выражения общенародной беды (в экспозиции романа) и завершает его изображением личного горя, постигшего Владимира Ярмалицкого (каратели повесили его мать), и зарождения в душе героя чувства справедливой мести, решимости беспощадно уничтожить фашистского зверя на своей земле до последнего вражеского солдата и до тех пор, пока она не скинет с себя жестокое ярмо оккупации (в развязке романа).

Нарратив романа *Млечны Шлях* строится по принципу окольцевания: сцены пожарищ – выжженная Родина (общий Дом) и сожженный родной очаг (свой Дом) образуют своеобразную раму вокруг обладающего своей фабульной канвой эпизода с историей случайной встречи людей на дороге войны. О его относительной самостоятельности свидетельствует то, что в нем есть завязка (совместные действия голодных во время охоты на быка), развитие действия (нарастание враждебной подозрительности друг к другу, стремление оценить опасность, которую каждый представляет каждому) с возникновением кризисного хронотопа (внезапное появление фашистского офицера с солдатами, распад непрочного псевдоединства на две вражеские группы – оккупантов и их пленников – Владимира Ярмалицкого и Новака), кульминация (решимость пленников на противодействие) и развязка (поджог Сямагою своего дома вместе с гитлеровцами и спасение пленников).

Однако вычлененный из обрамления эпизод не способен нести на себе всю глубину философского смысла романа *Млечны Шлях*.

Не случайно К. Чорный в экспозиционной части романа подчеркивает, что его персонажи повели себя по-людски в специфических экстремальных условиях, при которых появилась угроза их биологическому существованию. Война свела их и поставила перед неминуемой голодной смертью. *Рыжий бык* был их спасением, но его нужно было брать голыми

³ *Словарь русского языка*, Изд-во „Русский язык”, Москва 1981, т. III, с. 41.

руками. Писатель показывает, что основным толчком к объединению послужил инстинкт самосохранения. Это он принудил объединиться мужчин, принадлежащих к противоборствующим сторонам: „Хоць яны яшчэ і не паспелі пазнаёміцца адзін з адным, але як быццам бы ўжо былі добра знаёмыя. Ужо яны станавіліся падобныя да змоўшчыкаў, якія разам, плячо з плячом, павінны бараніцца ад нейкіх невядомцаў, што выявіліся так блізка тут”⁴. В этих условиях, говоря словами М. Мамардашвили, между участниками события возникла какая-то искра иного, действительного общения: „Кожны з іх ужо бачыў у другім свайго аднадумца, і рысы чалавечнасцы і сяброўства зганялі з іх твараў рысы звярынаго страху. А як жа! У іх жа цяпер ёсць адна справа, і можа слаўнае і такое жаданае сяброўства запануе поміж імі”⁵.

Для передачи психологической напряженности сцены К. Чорный избирает особую нарративную стратегию, которая вынуждает реципиента менять точку обзора происходящего: с одной позиции он должен бросать свой взгляд в глубины души каждого персонажа, где уже затеплилась надежда на дружелюбие, радость от возникшего доверия друг к другу; а с другой – точка обзора вдруг меняется! – он видит всех действующих лиц уже со стороны, наблюдая появление на их лицах черт человечности. Но в условиях жестокой войны долго это продолжаться не могло. Мышление войной заставляет их чувствовать угрозу, идущую друг от друга, сразу же, как только чувство голода было утолено, а смерть могла прийти с другой стороны. Каждый для каждого стал опасен: „Тым часам самы маладзейшы зноў падняўся, каб выйці. Падняўся і тоўсты. Раптом млады не вытрымаў: – Чаго ты не спускаеш мяне з вока? Мы тут роўныя ўсе! – [...] Але ж і ты за мною ходзіш”⁶.

В этой встрече на чашу весов были брошены Человечность (Добро) и противостоящая ей жестокая вражда (Зло); в зависимости от резко меняющейся обстановки перетягивало то одно, то другое. А в основе, если брать во внимание конкретность ситуации, от этого зависела сама Жизнь, прежде всего возможность дышать и ходить под Солнцем.

Обстоятельства, изображенные К. Чорным, носят экспериментальный характер, что позволяет ярко высвечивать людскую природу, взятую в ее зависимости от социальной и идеологической сути каждого персонажа..

⁴ К. Чорны, *op. cit.*, с. 174.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem*, с. 185.

Первая ситуация, в которой оказались герои романа, объединяет их потому, что они встали перед лицом общего врага – Голода, перед выбором – инстинктивным, неосознанным – между Жизнью и Смертью. Разобшение обозначало Смерть. Отсюда встает вопрос: правомерно ли охоту на быка считать человеческим поступком каждого из ее участников, а следовательно, оценивать их действия с моральной стороны? По утверждению М. Мамардашвили, „моральный поступок как и мысль или есть, или их нет”⁷. В данном случае такой поступок отсутствовал. И это отсутствие говорило об определенной „цельности” каждого из собравшихся волею военного случая столь различных людей: никто из них на подобие героев Э.-М. Ремарка не испытывал раздвоенности души, угрызений совести. И как только для одной из сторон (в данном случае немецкой) опять-таки случай присылает подмогу, сразу обнажается социальная и политическая суть, а также направленность действий каждого из персонажей романа *Млечны Шлях*. И снова господствует закон самосохранения – фактор в философском аспекте романа многозначный.

Самосохранение – ключевой мотив, объясняющий действия персонажей в первых двух начальных сценах – охоты на быка и в доме Николая Сямаги. Романная система образов построена так, что центральную роль в раскрытии мимикрического способа мышления как инструмента для достижения цели – в данном случае самосохранения – исполняет *опухший (апухлы)*, как потом выясняется, солдат полковника (сначала это *Тоўсты, Таўсматы*). Это *опухший* – теперь уже не инстинктивно, а вполне осознанно проявляет инициативу для своего спасения, эксплуатируя общечеловеческие ценности, апеллируя к таким чувствам, как сострадание. *Опухший* исповедуется, показывает фотографии дочери Гертруды, надеясь, что голубка (он выговаривал „калюбка”) Гануся пожалеет его, защитит: „Калюбка! Я ледзьве жыву. Запытаешся ў сваёй маці, і яна нахваліць цябе, калі ты будзеш Гертрудзе сястра, а мне выратавальніца”⁸. Узнав, что немцы сожгли в Минске ее мать, *опухший* всю вину сваливает на Гитлера. За собой же *вины/ответственности* он, очутившийся захватчиком чужой земли, признавать не хочет и предпочитает говорить о своих страданиях в жалостных тонах: *калачуся ад слабасці; голад парваў у мяне ўсё ўсярэдзіне; я няшчаснае стварэнне; ўпаду на дарозе і кончуся; пашкадуў мяне.*

⁷ М. Мамардашвили, *Эстетика мышления*, Московская школа политических исследований, Москва 2001, с. 7.

⁸ К. Черны, *op. cit.*, с. 218.

Таўсматы тоже намеривается исповедаться в своем несчастье, окончательно потеряв самонадеянность, он стал не менее жалкий, чем *опухший*, который уже философски рассуждал о Млечном пути – символе, объединяющих всех людей. Но как только *таўсматы* и *апухлы* предстали перед немецким офицером, почувствовали свою безопасность, они сразу обрели облик оккупантов. Теперь они не стараются сменить мышление войной у Гануси и Сямаги на гуманистическое, напротив, толстый полковник начинает выдавать всех, с чьей помощью он остался жив. Однако, когда обстоятельства снова складываются так, что *апухлы* попадает в зависимость от Ярмалицкого и Самаги, он снова ищет у них защиты. И так до тех пор, пока не найдет свой конец от пули Ярмалицкого, который тоже мыслит войной. Но какая пропасть между этими двумя способами мышления: Ярмалицкий стрелял уже не в *опухшего* (не случайно в тексте упорно подчеркивается, что *опухлость*, результат голода, уже исчезла с его лица), а в солдата вермахта, который, возвратясь к своим, будет вместе со всеми уничтожать белорусский народ. Конец *опухшего* закономерен и имеет свой философский смысл: нельзя безнаказанно быть причастным к кровавым делам, ибо „кто с мечом придет, тот от меча и погибнет”. В разгар жестокой борьбы с фашизмом вынужденное для Ярмалицкого мышление войной было единственно необходимым не только ради спасения родной земли, но и защиты гуманистических, общечеловеческих ценностей, среди которых – и право на жизнь. Вот почему в эпилоге говорится про уход Гануси, Новака и Сямаги в лес, к партизанам.

Однако, понимая неизбежность и справедливость ведения беспощадной борьбы с кровавым врагом, К. Чорный при всем при том жаждет объединения людей в человечество, которое расстанется наконец-то с мышлением войной. И в результате „обратного чтения” (Н. Гей) новым смыслом, обращенным в будущее, наполняются написанные в начале романа слова: „Як быццам бы ўсе яны разумелі адзін аднаго як не трэба лепш. Згода была паміж імі і яднанне”⁹.

Сопоставляя роман К. Чорного *Млечны Шлях* с драмой Л. Кручковского *Pierwszy dzień wolności* и повестью В. Тендрякова *Люди мы или не люди*, необходимо сосредоточить внимание прежде всего на трех смыслообразующих факторах:

- хронотопе описываемых событий;
- временной дистанции, отделяющей повествование от описываемого происшествия;

⁹ К. Чорны, *op. cit.*, с. 176.

– роли, исполняемой персонажами этих произведений во Второй мировой войне.

Если действие романа К. Чорного происходит в разгар военных действий на выжженной карателями белорусской земле, то в драме Л. Кручковского – в конце войны, в доме бежавшей из прифронтовой зоны семьи Ключе, где встречаются вырвавшиеся на свободу узники концлагеря, офицеры (*obcy oficerowie, jeńcy uwolnieni z obozu*) и немецкий доктор со своими дочерьми – маленькой Лорхен, семнадцатилетней Луззи и девятнадцатилетней Ингой. Фронт ушел вперед. Городок опустел. Безвластие. Дочери доктора оказались под угрозой насилия и смерти. Важно отметить, что все они не имели никакого отношения к злодеяниям фашизма; более того, доктор остается верным клятве Гиппократата: „Lekarz, jak żołnierz na posterunku [поясняет он Михалу, почему не может ночевать не у себя дома – Л.О.] – musi być tam, gdzie mogą go szukać w razie jakiegoś wypadku. W mieście jest trochę ludzi, w dodatku sami cudzoziemcy, ludzi z obozów, z robót przymusowych. Jako niemiecki lekarz czuję się wobec nich szczególnie zobowiązany”¹⁰. В этой ситуации бывший узник Ян, вступая в конфликт со своими товарищами и слыша от них протестующее заявление: „nie mamy prawa ochraniać naszych wrogów”¹¹, – все-таки решает в случае необходимости стать на защиту чести и жизни девушек. Совершенно очевидно, что в драме Л. Кручковского так же, как и в романе К. Чорного, но на другой основе, образовалось сложное ситуационное, а потому и временное единство, которое вскоре тоже распадется на своих и врагов.

Центральными фигурами конфликта становятся Ян и Инга. Ян, очевидно, оказался способным стать выше мести и ненависти, он вроде бы освободился не только из концлагеря, но и от мышления войной и окончательно делает нравственный выбор в пользу высокого гуманистического идеала. Он, как ему кажется, не только сам не причинит Инге и ее сестрам вреда, но, напротив, станет им опорой, если они окажутся в опасности. Он жаждет жить, стремясь к свободе выбора, желает делать не то, что может, а то, что хочет, и не делать того, чего не хочет. Видя в этом проявление и воли, и силы Духа. В его рыцарском решении, на наш взгляд, главенствовало в данный момент желание остаться прежде всего человеком.

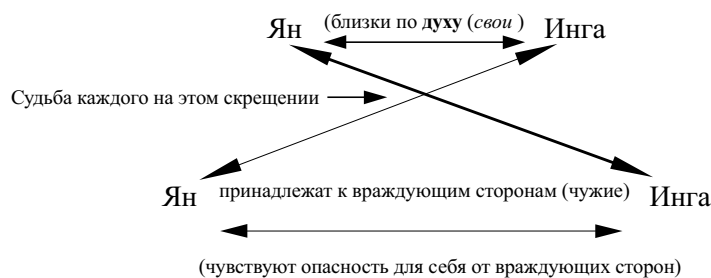
Инга сочувствует Яну, их взгляды во многом сходятся: ведь она так же, как и Ян, ненавидит гитлеровский режим, тот мир, в котором выросла, но

¹⁰ L. Kruczkowski, *Pierwszy dzień wolności*, PIW, Warszawa 1974, s. 35.

¹¹ Ibidem, s. 49.

вся суть в том, что он для нее все-таки был своим. Вот почему Ян для нее, несмотря на всю ее симпатию к нему, остается человеком чужим, враждебным, перейти на его сторону она не может. „Zachowanie się Ingi jest wieloznaczne i skomplikowane, – отмечает польский исследователь З. Жабицкий. – Trudno byłoby wyraźnie określić jej postawę. W postawie tej wrogość miesza się z sympatią”¹².

Характер их отношений схематично может быть представлен так:

Душевное состояние девушки противоречивое, тяжелое: она в отличие от Яна хочет не жить, а умереть. В то же время она больше всего боится быть безоружной, не имея возможности защитить себя самой. Не в силах отказаться от своего, хоть и ненавистного ей мира, Инга не только зовет на помощь немецкий отряд, но и сама открывает огонь из автомата по Яну и его товарищам с колокольни костела. В этой ситуации военное мышление берет верх над гуманистическими устремлениями Яна. Он стреляет в Ингу – и убивает ее.

Вопрос доктора: „Ale dlaczego pan... dlaczego właśnie pan?”¹³ – обращен, видимо, не столько к Яну, сколько к нашему сознанию как призыв к отказу от *мышления войной* и принятию нормой жизни *мышления гуманистического*.

Аналитичная повесть В. Тендрякова *Люди мы или нелюди* вступает в своеобразный диалог и с романом К. Чорного, и с драмой Л. Кручковского. Писатель, показывая, в различных кризисных ситуациях – том числе и войны – как в человеке пробуждается зверь, стремится постичь людскую природу. *Люди мы или нелюди* – это „додумывание до конца и там, и до того, что обычно додумывать не решались”.

¹² Z. Żabicki, *Postłowie*, [в:] L. Kruczkowski, op. cit., s. 123.

¹³ L. Kruczkowski, op. cit., s. 110.

Непрочное единство *своих* и *чужих* писатель обрисовывает в несколько сентиментально-добродушных тонах: „Вот обзавелись... Третьеводни, смех и грех, среди ночи с кухней на наши позиции въехал. [...] Рад поди Вилли, что отвоевался?.. Вилли жмурился и улыбался, у него были длинные белесые ресницы, детское простодушие на щекастом лице – лет восемнадцати и того, пожалуй, нет. [...] Стесняясь своего доброго взгляда, дядя Паша, блуждая извиняющейся улыбочкой, объяснял мне через две склоненные головы:

– Хороший парень Вилли, душевный [...] Хошь и немец, а человек. [...]

Война в разгаре, рядом линия фронта, с той и другой стороны нацелены пулеметы, а уже двое врагов забыли вражду, где она деревянность, где жестокость?

Голова к голове, ложка за ложкой и – хлеб пополам.

Кончится война, и доброта Якушкина, доброта Вилли – их сотни миллионов, большинство на земле! – как половодье затопит мир! [...] Я просто задыхался от нахлынувшей любви. [...] Слезы душили горло. Слезы счастья, слезы гордости за все человечество!”¹⁴. И вот через полчаса все резко меняется. Солдаты открыли страшную картину: два ледяных колокола – это немцы живьем заморозили людей. И понеслись слова гнева и угрозы: *изверги; семя проклятущее; захаркают кровью* и т.д. Военное мышление реализовалось в проявлении крайней жестокости к тому, кто лично не был причастен к такому злодеянию, но расплатился за чужие грехи – Вилли был также зверски казнен: „[...] Раздевай! – приказал сурово дядя Паша. [...] Вилли закричал, не по-детски, даже не по-человечьи – сипло каркаяще, с захлебом. [...] Склонялся и выметался колодезный журавель. Давился в крике Вилли”¹⁵.

Завершая свое повествование, В. Тендряков пишет: „Я бы рад самоусовершенствоваться – любить, не убивать, не лгать, – но стоит мне попасть в общественное устройство, раздираемое непримиримым антогонизмом, как приходится люто ненавидеть, война – и я становлюсь убийцей. [...] Благие призывы моралистов ко мне: совершенствуйся! Они давно доказали свое бессилие.

Мы все воедино связаны друг с другом, жизненно зависим друг от друга – в одиночку не существуем, – а потому самосовершенствование каждого не внутри нас: мое – в тебе, твое – во мне!

¹⁴ В. Тендряков, *Люди мы или нелюди*, „Дружба народов” 1989, № 2, с. 116–117.

¹⁵ *Ibidem*, с. 124–125.

Не отсюда ли должна начинаться мысль, меняющее наше бытие?»¹⁶.

В докладе рассмотрены только три произведения, на наш взгляд, характерные для обширного пласта художественной литературы, посвященной раскрытию конфликта между мышлением военным и гуманистическим, в которых отчетливо прослеживается тенденция в движении темы – от собственно художественного ее развития до открыто сформированного публицистического призыва перейти к новому типу мышления, признав главной ценностью отдельную человеческую жизнь: „Даже если кто-то все еще стреляет, людей, молодежь посылают убивать и умирать, объясняя, конечно, что это единственное средство чего-то достичь или защитить что-то, все равно – говорит Алесь Адамович, – это правда, истина – человечество отвоевалось, на военные решения проблем право у него отнято»¹⁷. В связи с этим в нарративе исключительную роль начинает играть Я-автора, входящее в систему образов художественных произведений, структура которых все чаще начинает вбирать в себя лиро-публицистические фрагменты, носящие исповедальный характер. Свидетельством тому является не только повесть В. Тендрякова, но и романы последних лет В. Астафьева – *Прокляты и убиты*, *Веселый солдат* и др., где эмоциональное включение автора в ткань текста максимально¹⁸.

Актуальность поднятых в этой литературе проблем трудно переоценить, ибо в ней звучит голос-набат, зовущий к спасению самой Жизни в ее человеческом облики.

Streszczenie

Myślenie wojenne i humanistyczne w utworach „Mleczna Droga” Kuźmy Czornogo, „Pierwszy dzień wolności” Leona Kruczkowskiego i „Ludzie nie ludzie” Władimira Tendriakowa

W artykule, wykorzystując poetykę utworów, przeanalizowano sposób przedstawienia i artystycznego rozwiązywania konfliktów powstających pomiędzy myśleniem wojennym a humanistycznym. Określono charakter i rozwój myślenia literacko-filozoficznego skierowanego na obronę ogólnoludzkich wartości.

¹⁶ Ibidem, s. 144.

¹⁷ А. Адамович, *Отвоевались!*, Молодая гвардия, Москва 1990, с. 50.

¹⁸ Н. Иванова, *Ярость слова*, [в:] В. Астафьев, *Прокляты и убиты. Роман*, Изд-во Эксмо, Москва 2004, с. 5-8.

Summary

*Military and humanistic way of thinking in such works of literature: „Млечны Шлях”
by Kuzma Chornyj, „Pierwszy dzień wolności” by Leon Kryuchkowski and
„Люди мы или не люди” by Vladimir Tendryakov*

In this article setting and literary decision of conflict, which appeared between war thinking and humanist thinking, are being traced through poetics, the character of development of literary-philosophic thought, which is directed to the defence of common to all mankind values, is determined.